

Николай СТАРОДЫМОВ

На 90-летие Владимира Чивилихина

Долгое эхо его «Памяти»

1
Есть такая фраза: человек должен за свою жизнь прочитать десять книг, но искать их он должен всю жизнь. Время от времени я задумываюсь: а какие из прочитанных книг я бы включил в ту заветную десятку? Всякий раз этот условный список разнится с предыдущим. И можно назвать всего несколько неизменных произведений, в их числе роман-эссе «Память» Владимира Чивилихина.

Это сегодня у нас есть интернет, в котором по любому вопросу можно найти сколько угодно информации. Это сейчас есть масса литературы по «альтернативной истории», где любой человек может изложить своё видение по любому эпизоду прошлого. Это теперь выпущены десятки учебников истории, и преподаватель имеет право излагать собственные воззрения о деятелях и событиях прошлого... Люди старшего поколения хорошо помнят времена, когда всего этого у нас ещё не было.

В начале 1980-х годов публикация в «Роман-газете» книги «Память» произвела эффект разорвавшейся информационной бомбы. На нас словно пролился свет памяти!

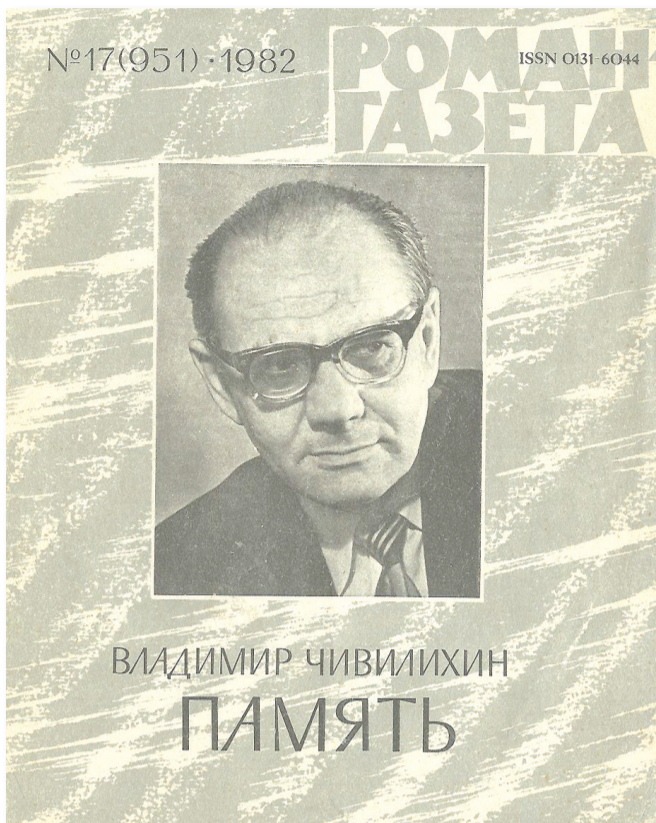
Мы вдруг узнали, что история Руси начинается не с призвания варягов. Внезапно открылся целый мир, окружавший Русское государство накануне и в момент нашествия орд Батыя. Декабристы перестали быть лишь чеканными профилями с известного барельефа, они обрели плоть, ум, характеры...

2
Роман «Память» трудно назвать романом. Это и в самом деле эссе, только исполинского, «романовского» объёма. Однако в данном труде нет ничего лишнего, из него ничего не выброшено. Более того: иной раз сожалеешь, что автор оставил какой-то поворот темы, не развил его дальше.

В этой книге Чивилихин размышляет и рассуждает о прошлом нашей родины. О доваряжской эпохе. О том, кто такие вообще варяги и кто есть Рюрик. Красной нитью через всё произведение проходит «Слово о полку Игореве». Большое место занимает тема нашествия батыевой орды на Северо-Восточную Русь. Много говорится о декабристах и декабризме, о роли, которую сыграли ссыльные в развитии Сибири. Об архитектуре, о литературе, о реставрации памятников... А ещё много говорится о том, как современные подвизники сохраняют памятники истории.

Остановилось на некоторых эпизодах. Декабристы. В советские времена о них говорили как о романтиках, которые не понимали значения классового характера революций. Сегодня отношение к тому восстанию в значительной степени поменялось. По сути, выступление на Сенатской площади было попыткой осуществить государственный переворот в угоду Западу. Конечно, Пестель, Рылев и их соратники действовали, судя по всему, из самых благих побуждений, как и большинство революционеров по всему миру идут на баррикады с сердцем Данко, горящим заботой о людях...

Владимир Чивилихин акцентирует внимание не на политических целях восстания, не на моральной стороне вопроса, а на его последствиях. Восстание разгромлено, участники сосланы в Сибирь, автор проследивает судьбы ряда повстанцев. Он рассказывает о тех ссыльных, которые внесли вклад в развитие Сибири. Как они способствовали развитию промышленно-

сти, вели метеонаблюдения, изучали местную природу и описывали её в научных трудах, обучали местных детей грамоте.

Работая с материалами о декабристах, Владимир Алексеевич обращался к архивам, просматривая километры фотоплёнок. Этот процесс был непрост: фотоплёнка заряжалась в прибор наподобие фильмоскопа, включалась лампа... Текст читался посредством линзы через окуляр. И так — кадр за кадром... Адов труд.

Ему приходилось просматривать множество архивных папок. А ведь там не машинописный текст, а рукописные материалы с ятями и завитушками, украшавшими буквы. Кроме того, Чивилихин много общался со специалистами: историками, архивариусами, чиновниками, родственниками декабристов... И ради многих встреч он летал за Урал, совершал длительные поездки по тяжёлым сибирским дорогам.

3
Особое место в романе Владимира Чивилихина «Память» занимает «Слово о полку Игореве». Он подробно останавливается на вопросе авторства «Слова», разбирает множество версий. И в конце концов приходит к выводу, что «Слово» написал сам же князь Игорь, возглавивший тот злополучный поход.

Бросается в глаза, что действующие лица «Слова» для Чивилихина — не просто персонажи книжки о временах, давно канувших в Лету. Он описывает каждого, словно лично знакомого. Рассказывает о доблести или слабостях героев, о совершенных ими подвигах или проявленном малодушии. О взаимоотношениях между князьями, между их родами.

Чивилихин обращает наше внимание на то, как автор «Слова» описывает природу, животный мир, оружие. Страницы «Памяти», посвящённые «Слову» — поистине титанический исследовательский труд.

4
Большое место в книге Чивилихина занимают вопросы архитектуры древних церквей, их реставрации.

Владимир Алексеевич был хорошо знаком с выдающимся советским реставратором Петром Барановским. Он рассказывает и о нём, и о его деятельности. И через рассказ показывает нам памятники старины. О храмах Чернигова, о Параскеве Пятнице, об Архангельском... О крестах, что наши предки устанавливали на перепутье,

о легендарном Игнач-кресте, от которого орда Батыя повернула обратно на юг...

Из книги я узнал об удивительном человеке — Николае Александровиче Морозове. Это революционер, причём, террорист-народоволец, масон, и в то же время выдающийся учёный. Вот неполный перечень наук, в которых Николай Морозов оставил свой след: астрономия, космогония, физика, метеорология, воздухоплавание, авиация, история, философия, политэкономия, история науки, языкознание, химия... При этом он писал научные стихи и фантастические рассказы. В общем, чрезвычайно интересная, разносторонне одарённая личность.

Из книги «Память» я узнал о судьбе отца Иакинфа Бичурина. Надо признать, что симпатичных ему исторических личностей Чивилихин развёл не идеализирует. Так и Бичурин Владимир Алексеевич описывал в превосходных степенях, умалчивая о некоторых сомнительных фактах его биографии. И всё же, несмотря на грехи, отец Иакинф был совершенно выдающимся человеком, и спасибо автору романа о первом отечественном китаеведе.

5
О Льве Гумилёве и его теории пассионарности тоже становится известно из книги Владимира Чивилихина. Автор подавал тему резко отрицательно. Позиции Льва Николаевича и Владимира Алексеевича несовместимы. Возможно, что в значительной степени оба они правы, — и такое случается.

Причина неприятия Владимиром Алексеевичем теории пассионарности очевидна. Он считал процесс исторического развития нации (русской нации!) линейно-поступательным. А Лев Николаевич — диалектическим, подверженным закону отрицания отрицания. Можно сказать и иначе. Точка зрения Чивилихина более эмоционально романтична, а Гумилёва — материалистически приземлённа.

Наверное, Владимир Алексеевич и мог бы признать правоту оппонента. Но тогда ему пришлось бы признать и тот факт, что спустя время русская нация сойдёт со сцены, а это противоречит самому духу романа «Память» — слишком искренне Чивилихин любит Россию и русский народ. В этом с ним не поспоришь.

Но и Гумилёв прав! Некогда и я не мог понять, как можно утверждать, что французы или немцы исчезнут со временем. Но вот прошло совсем немного времени, и мы видим, что во Франции всё большую силу набирают арабы, в Германии — турки, в Голландии, Швеции, Англии коренное население подвергается всё большему давлению со стороны пришлых... Пройдёт ещё какой-то период, и сами страны, быть может, и останутся в прежних границах, только люди будут проживать другие — и этнически, и этически, и духовно. Ну, а о родной стране и говорить больно: русская нация и в самом деле находится на грани вымирания.

Чивилихин не проникся теорией пассионарности.

Он жил в другую эпоху.

В советские времена мы все ещё верили в светлое будущее державы.

* * *

Владимиру Чивилихину 7 марта исполнилось бы 90 лет. Убеждён, лучшим свидетельством нашей о нём памяти ему стало бы то, если бы каждый перечитал роман-эссе «Память».

Три шага из Тайги

О русском писателе, очеркисте, публицисте, защитнике природы, исследователе литературы Владимире Чивилихине

...В 1946 году восемнадцатилетний рабкор Чивилихин, живший на станции Тайга, уроженец далёкого сибирского городка Мариинск, начал печататься в местных газетах. А в 1949-м взял да поехал покорять Москву — поступать в Московский университет, на самый престижный тогда факультет — на журналистику. Сдал все экзамены на отлично, а зачислен всё-таки не был. Тогда он сделал свой второй решительный шаг — добился приёма у самого министра и поступил. Окончив с отличием университет, сделал третий шаг — поехал в глубинку, поближе к природе. А потом и в Москву вернулся — уже обогащённым знанием жизни и профессиональным опытом, издав ряд повестей и рассказов.

Творческая судьба В.А. Чивилихина глубоко поучительна. Не каждому дано, став на путь журналиста-газетчика, подняться до уровня высокого искусства слова. А он не только сумел, но и открыл новые вершины в этом многотрудном искусстве.

Произведения В.А. Чивилихина издавались на девятнадцати языках мира. Писатель был удостоен премии Ленинского комсомола за цикл повестей о Сибири, адресованных прежде всего молодёжи: «Серебряные рельсы», «Про Клаву Иванову», «Ёлки-моталки»; Государственной премией РСФСР имени А.М. Горького отмечена его книга художественной публицистики «По городам и весям», посвящённая актуальным и ныне проблемам бережного отношения к родной природе. Вершинному произведению в творчестве писателя — роману-эссе «Память» — присуждена Государственная премия СССР (1982 г.).

Своё самое крупное, философски-эпическое, художественно-публицистическое полотно, несколько не утратившее своей жгучей актуальности сегодня, автор назвал «Память».

Его «Память» — это не только изумительные по своей яркой зрелищности экскурсы в историю Руси, это откровенный разговор с читателем о текущих буднях современности, и потому роман глубоко поучителен во всех смыслах.

Владимир ЮДИН